

Надо все-таки поехать на Аляску. И там может случиться что-нибудь и хорошее. Я собрала сумку. Ночь. Днем я оставляю Маноск-ли-Плато, Маноск-ли-Куто, в феврале бары всегда полны народу, всюду дым и пиво, я уезжаю, еду на край света, я уезжаю к океану, туда, где чистая вода, навстречу опасности. Я не хочу больше умирать от скуки, от пива, от шальной пули. От несчастья. Я уезжаю. Ты с ума сошла. Они смеются. Они всегда смеются — в одиночку плыть на лодках с большим количеством мужчин, ты с ума сошла... Они смеются.

Смейтесь. Смейтесь. Пейте. Принимайте наркотики. Умрайте, если хотите. Это не для меня. Я поеду на рыбалку на Аляску. Привет. Я уезжаю.

Мне предстоит пересечь огромную страну. В Нью-Йорке мне хочется плакать. Слезы капают в мой кофе с молоком. А потом я покину всё и всех. Еще рано. Я иду вдоль широких проспектов, пустынных проспектов. Небо очень высоко, очень ясная погода, очень светло, башни возвышаются, как громадные монстры, воздух — холодный и влажный. В небольших автофургончиках продают кофе и бисквиты. Сидя на скамейке перед зданием, переливающимся в лучах восходящего солнца, я выпиваю большую чашку отличного кофе с огромной булкой, затем вытираю сладкие от начинки губы. И ко мне постепенно возвращается радость жизни, в ногах чувствуется легкость, есть желание встать, размяться, любопытно посмотреть, что же находится за углом этой улицы, а затем заглянуть на следующую. И я встаю и иду, город просыпается, появляются люди, берет старт очередной виток круговорота жизни. Я тону в этом головокружении жизни до истощения.

Я сажусь в автобус. Автобус-экспресс «Грейхаунд». Я плачу сто долларов, намереваясь проехать по маршруту от побережья до побережья. Покидаем город. Я купила печенье и яблоки. Со своего места внизу я смотрю на переплетение автомагистралей, они пересекаются, расходятся, объединяются, убегают в даль. Меня начинает тошнить от этого, я ем печенье.

У меня есть небольшой армейский мешок для багажа. Перед отъездом я украсила его дорогими тканями и вышивкой. Я получила в подарок анорак цвета выцветшего синего неба. Я буду перешивать куртку во время всей поездки: перья раззываются вокруг меня, как облака.

- Куда вы едете? — спрашивают меня.
- На Аляску.
- А для чего?
- Я собираюсь поехать на рыбалку.
- Вы уже этим занимались?
- Нет.
- Вы знаете кого-нибудь?
- Нет.
- Да благословит вас Господь...

Да благословит вас Господь. Да благословит вас Господь. Да благословит вас Господь... Спасибо, я говорю спасибо. Я счастлива. Я собираюсь ехать на рыбалку на Аляске.

Мы пересекаем пустыню. Автобус пустой. В моем распоряжении два места, я могу оккупировать другую половинку и лечь, прижимаясь щекой к холодному стеклу. Вайоминг, как и Невада, засыпаны снегом. Я ем печенье, макая в кофе, в ритме остановок на дорогах и появления «Макдоналдс».

Я шью и исчезаю в облаках своего анорака. Вот еще одна ночь впереди. Мне не до сна. Слева и справа на казино вспыхивают неоновые лампы, искрясь и рисуя светящихся, размахивающих пистолетами ковбоев... зажигаются и гаснут... На небе колышется полумесяц. Мы проезжаем Лас-Вегас. Ни деревца — одни лишь камни и кусты, сожженные зимой. Небо очень быстро светлеет на западе. Там явно наступил день.

Перед нами только дорога, вдали видны заснеженные горы, да маячит гора, стоящая в одиночестве на плато пустыни. Переезжаем железнодорожную линию, идущую к горизонту, наступает утро. Или мы движемся в никуда. Проходят несколько унылых коров, они смотрят на нас. «Замерзли бедняжки». И мы снова останавливаемся перекусить на заправочной станции, там, где ревут сияющие хромом грузовики. Напротив гигантского пивного бара развевается на ветру американский флаг.

В дороге я начала хромать. Прихрамывая, я спускаюсь из автобуса. Да благословит вас всех Всевышний, говорю я себе с большим беспокойством. Стариk тоже хромает. Мы смотрим друг на друга, признавая некоторую близость.

В придорожной забегаловке, там, где мы собираемся заочевать, меня окружают бродяги.

— Вы чикано? Вы похожи на чикано, вы похожи на мою дочь, — сказал один.

И мы снова отправляемся в путь. Я — чикано с красными, даже пунцовыми щеками, прихрамываю, жую печенье в облаке перьев, глядя в ночь, в пустыне. А кто-то собирается порыбачить на Аляске.

У меня есть друг-рыбак из Сиэтла. Он-то и подвезет меня в своей лодке. Он ждет меня уже много лет. Он повесил у себя на стене мою фотографию, назвал моим именем яхту. Но придет время — и он заплачет. На улице было темно, шел дождь, большой человек повернулся ко мне спиной, рыдая на своей койке. Думаю, я должна идти.

— Может быть, мне пора идти... — шепчу я.

— Вот и все, — сказал он, — надо уходить сейчас.

Снаружи темно и холодно. Он все еще плачет, и я тоже не могу сдержать слез. В ту минуту он с грустью сказал:

— Я должен, вероятно, задушить тебя.

Мне страшно. Я не могу оторвать взгляда от его больших рук и вижу, как он смотрит на мою шею.

— Но ты же не собираешься этого делать? — спросила я тихим голосом. Нет, он, похоже, не собирается делать так. Я медленно собрала свою сумку. Он сказал мне, чтобы я оста-

лась еще, осталась на сегодняшний вечер. Мы садимся на паром, он глядит на море покрасневшими глазами, он молчит, у него отрешенный вид, я смотрю на воду, какое-то время мои руки гладят его лицо. Потом мы идем по улице. Он провожает меня в аэропорт. Он впереди меня, я запыхалась, догоняя его. Он плачет. И я плачу позади него.

Сердце палтусов

Восхитительная погода в Анкоридже. Я жду за стеклянной дверью аэропорта. Один индеец вертелся вокруг меня. Я приехала на край земли. Я боюсь. И я вновь сажусь в небольшой самолет. Хозяйка дала нам кофе и бисквиты, а затем мы исчезаем в тумане, в белом мареве. Хотели бы вы, чтобы вашу дочь занесло на край света? На остров под названием Кадьяк. Темные леса, горы и, увы, коричневая и грязная почва, которая проглядывает из-под мокрого снега. Хочется плакать. Теперь мы должны пойти на рыбалку.

Я пью кофе перед одиноким грозным чучелом гризли в маленьком холле аэропорта. Мимо проходят мужчины с рюкзаками на спинах. Широкоплечие, с загорелыми лицами в шрамах, они, кажется, не замечают меня. Серое небо, серые холмы, везде без умолку кричат чайки.

Я зову. Я говорю: «Привет, я — подруга рыбака из Сиэтла. Он сказал мне, что вы в курсе, что я могу спать у вас дома несколько ночей, а потом я найду пристанище».

Безразличный голос человека — он сказал всего несколько слов: «Вот деръмо!»

Я слышу голос отвечающей ему женщины: «Добро пожаловать, Лили!» (Я так думаю.) Добро пожаловать в Кадьяк. «Вот деръмо!» — сказала она. Небольшого роста худенькая женщина вышла из пикапа, редкие волосы желтого цвета, искаленное гневом лицо, тонкий неулыбающийся бледный рот, глаза цвета голубого фарфора. Она ведет машину. Едем молча по прямой, как стрела, дороге, тянущейся вдоль замерзшего моря, между рядами деревьев и голым пейзажем.

— Ты будешь спать там. — Он показывает мне на диван в гостиной.

— О, спасибо, — говорю я.

— Мы делаем сети для рыбаков. Мы знаем всех и всё в Кадьяке. Мы спрашиваем насчет работы для тебя.

— О, спасибо.

— А пока устраивайся, чувствуй себя как дома, здесь есть туалет, ванная комната. Кухня — вон там. Когда проголодашься, загляни в холодильник.

— О, еще раз спасибо.

Обо мне тут же забывают. Я сижу в уголке. Потом выхожу. Я хотела бы найти кабинку для переодевания. Но слишком холодно. Коричневая земля и грязный снег. Большое серое небо на голых горах, оно так близко. Когда я вернулась в дом, они уже ели. Я сижу на диване, я жду чего-то, жду ночи, чтобы они ушли. Тогда наконец-то я смогу лечь спать и отдохнуть.

Они подбросили меня до города. Я сижу на скамейке с видом на гавань, ем попкорн. Я пересчитываю деньги — банкноты и мелочь. Как можно скорее нужно найти работу.

На причале меня окликнул парень. Под белым небом его прекрасная, как у античной статуи, фигура выделялась на фоне серой воды. У него татуировки до шеи, из-под темного шлема выглядывали непослушные волосы.

— Меня зовут Никифорос, — говорит он. — А тебя как, зачем и откуда ты приехала?

— Издалека, — отвечаю я, — приехала порыбачить.

Кажется, он удивлен. Он желает мне удачи.

— Может быть, увидимся позже? — говорит он, перед тем как пересечь улицу.

Я вижу, как он сделал три шага по тротуару и толкнул дверь деревянного здания — название «B&B Bag». Причем «B&B» написано выше, а вывеска находится между оконными проемами, одно из стекол с трещиной.

Встаю. Спускаюсь с моста. С палубы шлюпки меня окликает толстяк:

— Ты что-то ищешь?

— Работу...

— Поднимайся на борт!

Мы пьем пиво в машинном отделении. Я не осмеливаюсь заговорить. Он добр и учит меня, как завязать три узла.

— Теперь ты можешь ехать на рыбалку, — сказал он. — Но советую быть посмелее, когда станешь спрашивать о работе. Люди чувствуют, с кем они имеют дело.

Он протягивает мне еще пива, я вспоминаю дымный бар.

— Мне нужно идти, — говорю я на одном дыхании.

— Возвращайся, когда захочешь, — сказал он, — если увидишь лодку в порту, то не стесняйся.

Я прохожу вдоль доков, лодка на лодке, спрашиваю:

— Вам никто не нужен?

Меня не слышат, ветер уносит мои слова. Я повторила несколько раз, прежде чем мне ответили:

— Ты когда-нибудь ловила рыбу?

— Нет... — бормочу я.

— А документы у тебя есть? Гринкарта, лицензия на рыбную ловлю?

— Нет.

Они странно на меня смотрят.

— Ничего, в конечном итоге тебе придется их приобрести, — сообщают мне приятным голосом.

Пока ничего не находится. Я заваливаюсь спать на диван, от попкорна у меня вздулся живот. Меня позвали поработать няней — сидеть с детьми тех, кто уезжает на рыбалку. Это ужасное унижение. Я отказываюсь от предложения с милым упрямством, мотая головой из стороны в сторону. Я спрашиваю, где расположены каюты. Они отвечают уклончиво. Я готова помогать моим хозяевам плести сети.

И я наконец нашла. В один день в двух местах мне предложили пойти матросом: ловить сельдь на сейнере у побережья, либо выйти в море на промысел черной трески. Я выбрала второе, потому что ярусный лов — звучит красивее, престижнее, хотя это трудно и опасно, но экипаж будет состоять из закаленных моряков. У высокого худого парня, нанявшего меня, удивленный и мягкий взгляд. Когда он увидел мою пеструю

сумку — раньше меня, — то он лишь сказал: «Это прекрасная страсть». Затем его взгляд стал жестче.

— Сейчас вы должны будете доказать себе, что вы сможете это сделать. У нас есть три недели, чтобы снарядить корабль, наладить наживку, подготовить ярусы. Твоя единственная цель в жизни сейчас — работать на «Мятежном» день и ночь.

Я хочу, чтобы меня взяли на борт, я шепчу в ветреной тишине ночи. Мы работаем в течение нескольких дней во влажном помещении, среди баков из олова, где намотаны ярусы. Мы чиним веревки, меняем все то, что нужно.

Мы ремонтируем крючковые поводки, порванные снасти и погнутые крючки. Я учусь скручивать канаты. Рядом со мной мужчина работает в тишине. Было уже поздно, глаза уже устали. Шкипер кричит. От него воняет старым пивом. Он жует табак, время от времени сплевывая жвачку в жутко грязную чашку. Впереди меня сидит Джезус, он улыбается. Джезус — мексиканец. Он маленький и коренастый, с круглым и загорелым лицом и с абрикосовыми щеками.

Из темной комнаты выходит парень, а следом за ним — очень молодая и полная девушка-индианка. Опустив голову, она неловко проскальзывает мимо нас.

— Эй, Стив, тебе повезло прошлой ночью... — насмехается шкипер.

— Чтобы повезло, нужно как следует поуговаривать «удачу», — ответил мой сосед. А потом он сказал, не отрываясь от своего места и даже не моргнув: — Спасибо за статую.

Я смотрю на него, ничего не понимая. Лицо серьезное, но черные глаза явно смеются.

— Я имею в виду эту прекрасную статую. Свободы. Это хорошо, что вы, французы, сделали нам подарок, не так ли?

Песни в стиле кантри крутят по радио. Кто-то сделал кофе, мы пьем из не очень чистых чашек.

— Нужно напомнить, чтобы принесли воду в канистрах, — сказал Джон, высокий бледный блондин.

— Меня зовут Вольф, почти как волка, — шепчет мой сосед.

Он рассказал мне, что пятнадцать лет занимается рыбной ловлей и три раза терпел кораблекрушение, но в один пре-

красный день у него появится свое судно, может быть, даже в конце этого сезона, ну, если рыбалка будет хорошей. И если ему не придется красить все в городе в красный цвет. Не понимаю эту фразу.

— В городе? Красный?

Он засмеялся, и Джезус вместе с ним.

— Это значит — нализаться.

Я тоже хочу пойти туда, где можно нализаться до чертиков. Он это хорошо понял и обещает взять меня с собой после нашей совместной рыбной ловли. И он дает мне шарик табака.

— О, тебе это надо положить вот так... за губу, на десна.

Я рада, что сумела не выплюнуть, когда сглатывала. Шарик сжигает огнем мой желудок. Ничего, все к лучшему, я думаю.

Этим вечером Джезус подвозит меня на машине.

— Я боюсь моря, — говорит он, — но вынужден идти на рыбалку, потому что у моей жены будет ребенок. Мы не зарабатываем достаточно на консервном заводе. И я бы очень хотел сменить дом, где мы живем в настоящее время. Мы бы купили квартиру, просто для нас двоих и для ребенка.

— А я не боюсь смерти в море, — отвечаю я.

— Заткнись, не говори так, ты никогда не должна говорить такие вещи.

Похоже, что я его испугала не на шутку.

Высокого тощего парня зовут Йан. Он заставил меня вернуться домой, дом находится на выезде из города, он затерялся в темном лесу. Все ухмыляются. Они думают, что судовладельцу явно «повезет» сегодня. Его жена не живет здесь, слишком скучно ей на Аляске, она нежится на солнце с детьми в штате Оклахома. Он присоединится к ним после рыбалки, когда продаст дом. В доме пусто: лишь несколько матрасов в безлюдных комнатах.

Большое красное кресло перед телевизором — его кресло, плита и холодильник, там, где он делает огромные стейки.

— Ешь как воробышек! Никогда ты не будешь другой...

Я оставила три четверти мяса. Он отправил меня к холодильнику, где я нахожу большое количество льда. Лежа на полу, я смотрю в окно. Ночь на Аляске, и я в эту ночь размышляю, слушая порывы ветра, пение птиц на деревьях, о, сколько